

아	해		
버	방		
지	일		
의	지		

ч о н ч и а

д н е в н и к
о с в о б о ж д е н и я
м о е г о о т ц а

INSPIRIA

Москва

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Ч-75

아버지의 해방일지 by 정지아

Copyright © 2022 by Jeong Ji-A

First Published in Korea by Changbi Publishers, Inc.
Russian translation rights arranged in agreement
with Changbi Publishers, Inc. c/o The Grayhawk Agency Ltd.
in association with The Van Lear Agency

Перевод с корейского Людмилы Михэеску

Чон, Чиа.

Ч-75 Дневник освобождения моего отца / Чон Чиа ;
[перевод с корейского Л. Михэеску]. — Москва :
Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-212728-1

Невероятная сила и жажда жизни, которые помогают нам держаться и выстоять несмотря ни на что.

Бывший красный партизан, который мечтал о свободе и равенстве в неразделенной Корее, исходил горы Пэгунсан и Чирисан с ружьем на плече и не изменил своим убеждениям в Корее капиталистической, умер, врезавшись в телеграфный столб. Смерть становится точкой отсчета и помогает дочери увидеть в своем отце не только партизана и коммуниста, но и человека.

Роман, сочетающий широкий размах и увлекательное повествование, разворачивается в течение трех дней после смерти отца. Но стоит лишь последовать за историями, рассказанными на похоронах, как перед читателем предстает суровое семидесятилетие новейшей корейской истории.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

© Михэеску Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-212728-1

Предисловие переводчика

Написать предисловие меня побудила работа с литературным редактором этой книги, у которого возникли вопросы к транскрипции корейских имен. К сожалению, в настоящее время в разных профессиональных кругах используются разные системы транскрипции, отчего у тех, кто не изучал вопрос специально, складывается неверное убеждение, будто никаких правил в передаче корейских имен не существует вовсе. Конечно, это не так. Правила существуют, осталось прийти к единому стандарту для всех, на что требуется время.

В этой книге использованы принципы транскрипционных систем А. А. Холодовича и Л. Р. Концевича с принятой МГЛУ поправкой на неозвончение первого слога имени. Самым заметным для читателя станет передача согласного ㅈ в случае озвончения на стыке слогов через «чж» (Холодович), а также порядок передачи топонимов и написание двухсложного имени одним словом (Концевич). Большинство переводчиков корейской литературы работают в настоящее время, руководствуясь этими правилами. В случае, когда у корейского имени уже имеется устоявшаяся русская транскрипция, об этом упоминается в сноске. Только

отстаивая норму для всех слов без исключения, можно прийти к единому стандарту.

Отдельно стоит сказать об ударении, поскольку даже профессиональные чтецы часто делают ошибки в корейских словах. В корейском языке нет понятия «ударение» — все слоги равноударны. «Ударение», которое нам порой слышится, формируется интонацией фразы — вот почему одно и то же корейское слово может звучать с разным «ударением» в двух предложениях. Однако русский язык устроен не так, и для корректной передачи корейских слов, еще не получивших устойчивого звучания на русском (как, например, произошло со словом *сóчжу*), следует придерживаться следующих правил:

— в двухсложных словах ударение ставить на последний слог (Сану́к, Санхо́, Ари́, хано́к, чинпа́н и т. д.);

— в трехсложных словах ударение ставить на последний слог (Чириса́н, Сомчжинга́н, Хваомса́, юккэчжа́н и т. д.);

— в четырехсложных словах ударение ставить на второй и четвертый слоги, как если бы это были два двухсложных слова (Чолла́-Намдо́, Чолла́-Пукто́, туру́-маги́, тотхориму́к, твенчжа́нчигэ́ и т. д.);

— буква Ё не является ударной по определению, слова с этой буквой читать по вышеуказанным правилам (Кёнхи́, Ёнчжа́, Кёнса́н-Намдо́, Ёсу́н, и т. д.).

Желаю приятного чтения!

Людмила Михэеску

* * *

Умер отец. Врезался головой в телеграфный столб. Мой донельзя серьезный отец врезался головой в телеграфный столб и расстался со своей донельзя серьезной жизнью.

Нет, случилось это не в День смеха. Да если бы и в День смеха, в моей семье об этом бы не узнали — у нас не ценились шутки и розыгрыши. Шутки! На них, считай, наложили табу. Не то чтобы мы жили совсем без смеха. Когда все веселились, а мои родители оставались серьезными, как революционеры накануне вооруженного восстания, люди не могли не смеяться, глядя на них. Другими словами, мои неизменно серьезные родители, жившие точно в преддверии революции, помимо воли выглядели смешно. Что бы они ни делали, всегда давали повод к насмешкам. Ну, например.

Шли зимние каникулы, я училась в старшей школе. Мой отец, бывший красный партизан Ко Санук, выйдя из тюрьмы, где провел в общей сложности без малого двадцать лет, отказался жить в

«сердце капитализма» — Сеуле — и обосновался в родной деревне, куда не ходили автобусы и где не было электричества. Убежденный коммунист и противник капитализма селится в забытой глуши, где слыхом не слыхивали о капитале, — это ли не комедия? Ну, а куда еще податься коммунисту в стране деспотического режима?¹ Почти шестидесятилетний отец стал начинающим фермером. Как коммунист отец был неплох, но в работе на земле ничего не смыслил. Последовательный в своих взглядах, он и здесь ставил теорию выше практики. Отец не расставался с журналом «Новый фермер», сеял, полел и удобрял, руководствуясь статьями журнала. Мать сокрушалась и называла его труды не иначе как «мудреное земледелие».

— «Новый фермер» напишет, когда полоть, тогда и прополет, а что трава во весь рост стоит, и не посмотрит. Пусть себе пишут, только ты, как трава полезла, так и дергай, не жди. Кто земледельничает по бумаге?

Но сколько бы мать ни ворчала, ей не удавалось поколебать веру отца в печатное слово. Именно эта вера сделала его коммунистом сразу по прочтении «Манифеста Коммунистической партии».

---

¹ Имеется в виду диктаторский режим президента Пак Чонхи в 1972–1979 гг. и продолжившее его авторитарное правление президента Чон Тухвана (1980–1988) (в устоявшейся русской транскрипции — Пак Чон Хи, Чон Ду Хван). — *Здесь и далее прим. пер.*

— Ученые люди получше нашего знают! — отвечал он матери.

Мать неодобрительно цокала языком, а отец, надев очки, утыкался носом в «Нового фермера» или книги по сельскому хозяйству, и все так же выходил в поле с мотыгой по их указке.

Благодаря матери семья кое-как кормилась, но «мудреное земледелие» отца из года в год не приносило урожая, и в ту зиму родители опять пробавлялись червивыми каштанами, единственными плодами его трудов. В разгар зимы, когда по деревне распростерлась могучая тень горы, отец, терпеливый лишь в том, что касалось его убеждений, однажды бросил чистить каштаны и в сердцах отправился погулять, будто жареный петух его клюнул. Вернулся он с незнакомой женщиной, которая тащила за ним, точно хвост.

Я, сходявшая с ума от скуки в глухой горной деревне, где единственным гостем зимой был студеный порывистый ветер, впервые почувствовала интерес и тут же вообразила себе мыльную оперу: отец закрутил интрижку, и скоро у меня появится единокровная сестра или брат, а в придачу, возможно, и сказочно богатая мачеха, которая отпишет мне часть своего состояния. Я приоткрыла входную дверь и наблюдала, как они приближаются. Увы, женщина, державшая большую корзину на голове, ни стáтью, ни поступью, ни одеждой не напоминала сказочную богачку и в соперницы матери не годилась. Разглядев, что это простая женщи-

на из народа, я еще больше разочаровалась в отце, увязшем по уши в коммунизме, и, едва не стуча зубами от холода, поспешно затворила дверь.

Мой сердобольный отец провел незнакомку в главную комнату, говоря с ней так ласково, как никогда не разговаривал с матерью. В его первом в жизни собственном доме, приобретенном почти в шестьдесят, было всего две тесные комнаты, поэтому я слышала беседу родителей с женщиной так отчетливо, будто стояла рядом.

— Она торговать ходила, замешкалась, не успела вернуться домой. В такой холод на улице спать не годится. Приткнулась под деревом, там я ее и нашел. Накорми, пусть у нас заночует.

— Вы уж простите меня за хлопоты. Я в дом не прошусь — приютите на ночь в сарае, буду вам благодарная.

Голос невзрачной торговки оказался очень приятным: мягким, гладким, лоснящимся, как свежесваренный клейкий рис. Перед таким соблазнительным голосом наверняка не могли устоять мужчины, включая и коммунистов. Стараясь не пропустить ни слова, я одновременно решала, что сильнее: идеология или человеческая природа? Даже сейчас я не сомневаюсь в здравом ответе, который дала в ту ночь. В жизни далеко не всегда пожинаешь то, что посеял. Меня обучал отец, во мне текла его кровь — кровь, обогащенная коммунистическими идеями, — но я выросла реалисткой без идеалов,

пусть люди и видели во мне дочь нераскаянного красного партизана.

— Зачем в сарае? Ты нас не стеснишь. Отдыхай, не волнуйся... А ты чего встала столбом? Накрывай на стол!

Сердитый окрик отца сменился приглушенным кряхтением — даже не видя родителей, я поняла, что мать ущипнула его за бедро. Она делала так, когда отец угощал сушеной хурмой любого заглянувшего к нам незнакомца — страдая от боли в спине, мать собирала и сушила ее для меня, не подвешивая на бечевке, а заботливо переворачивая десятки раз в день, бросая работу в поле и торопясь домой при первых каплях дождя, чтобы прикрыть разложенные на деревянных подносах плоды.

— Иди-ка сюда.

Через мгновение родители вошли в мою комнату.

— Накормить — накормлю, а спать пусть идет к другим. Как мы поместимся? Отведи ее хоть в дом старшего брата, там-то найдется пустая комната, — зашептала мать отцу на ухо, чтобы гостья не слышала.

Отец, о сверхъестественном чутье которого ходили легенды — он чудом выбрался из укрытия перед началом военного окружения и спас коксонских¹ подпольщиков, — терял всякую осторож-

---

¹ Речь об уезде Коксон провинции Чолла-Намдо. Так же называется и уездный центр.

ность, когда его не брали в кольцо полицейские¹ и солдаты. Он не понял, почему мать перешла на шепот, отодвинулся, потер недовольно ухо и ответил, не понижая голоса:

— Зачем ей пустая комната? С дочерью ляжет.

— Да тише ты, там все слышно! Рехнулся, спать невесть с кем? А ну как она блошивая?

Для матери, фанатично поддерживавшей чистоту в доме и каждую неделю отскребавшей закоптившийся кухонный потолок, блохи были серьезной угрозой.

Отец выразительно посмотрел на нее сверху вниз и произнес:

— Ты ради чего рисковала жизнью в горах Чирисан? Ради народа? Так она и есть тот народ, за который ты билась!

Если бы в тот миг удалось сфотографировать моего отца, вышел бы превосходный снимок борца за независимость перед казнью или революционера, возвышающегося над телом погибшего товарища, — настолько торжественно печален был его взгляд. Я чуть не лопалась от подступившего смеха, но мама вдруг опустила голову и тихо вышла из комнаты. В свои шестнадцать я лучше понимала «Постороннего» Камю, чем отца, произносившего патетичные речи, когда дело касалось простого

---

¹ В период формирования вооруженных сил Южной Кореи Национальная полиция выполняла квазивоенные функции. Так, полицейские состояли в специальных отрядах, проводивших карательные экспедиции против партизан.

ночлега, или мать, стыдливо опускавшую голову и виновато красневшую от его слов.

А потом мама, по вечерам ставившая на стол простой суп да закуску *кимчи*, потому что больная спина не позволяла долго возиться на кухне, приготовила самый роскошный ужин, какой только могла, достала новые тарелки, хранившиеся в буфете, и застелила лучшую постель. Для народа.

Народ же в ту ночь наградил меня блохами и унес полсвязки чеснока, висевшую на потолочной балке. Почти месяц я чесалась, то проклиная народ, то браня революционеров, то нервно посмеиваясь. Тайком присвоенный народом чеснок казался мне подлым предательством в ответ на гостеприимство родителей. Однако сами преданные не видели в случившемся ничего дурного. Они, конечно, жалели, что остались без чеснока, но и только. Отец и мать не гневались на неблагодарную гостью, но с еще большей страстью говорили о новом мире, где не будет бедности и голода, заставляющих народ красть чеснок. Им и в голову не приходило, что торговка может выменять на чеснок баночку пудры, выбелить свое веснушчатое лицо и окрутить какого-нибудь богатого старичка. Нет, чистым душой коммунистам такого бы и во сне не привиделось. Они казались деревенскими простаками, не знавшими, как устроен мир.

Оглядываясь назад, я понимаю, что после возвращения отца из тюрьмы родители жили так изо дня в день. Отец выказывал себя коммунистом не

только в разговорах о политике, но — ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Он, начинающий фермер, был слишком нетерпелив, когда дело касалось работы. словно полёвка, что весь день бегаёт к норке в траве, пополняя запасы еды, отец каждый час приходил домой, выпивал стакан *сочжу*, прочитывал статью-другую в газете и только потом возвращался в поле. С него постоянно сыпались пыль и грязь, травинки, семена диких растений. Завидя его, мать выбегала во двор и упрашивала отряхнуться, снять носки и вымыть руки и ноги. Однако негибачаемый коммунист пару раз хлопал себя по ляжкам и уверенным шагом заходил в дом.

— Ну ты посмотри! Сколько раз говорила, а все не поймет! Неужто трудно сбить грязь и умыть руки? Никак смерти моей дожидается! — бранилась, семена за ним, мать.

Продолжая ворчать, она подбирала сор, занесенный отцом, а он, до поры до времени не обращавший на нее внимания, однажды вдруг резко сложил газету и раздраженно оборвал мать, по-видимому решив, что она слишком долго не унимается.

— Да ты, смотрю, и не коммунистка вовсе!

Услышав окрик, я отложила томик Ницше и недоуменно уставилась на отца. При чем тут коммунизм, если мама попросила его отряхнуть одежду и помыть руки?

— Что есть основа коммунизма? — грохотал отец.

Услышав знакомые слова, мать, вообще-то ничего не смыслившая в теории, вскинулась и ответила:

— Так ведь материализм!

— Вот именно! А теперь думай, иначе зачем тебе голова? Человек не свалился с Небес на Землю, потому что Господь сказал: «Да будет человек». Нет, Господь сотворил человека из праха земного! Ты что собираешь, пока вопишь? Пыль, да грязь, да сор — саму ткань бытия человеческого! Настоящий коммунист, скажу я тебе, он материалист и в житейском!

Подумать только, ткань бытия! Откуда взялась такая высокопарность у человека, окончившего только начальную школу? Я фыркала от смеха. Похоже, и матери скачок от праха земного к материализму показался неубедительным — на этот раз она непокорно хмыкнула. А потом, повернувшись к отцу спиной, забормотала, чтобы тот не расслышал: «Слова говорит как ручей журчит, лучше б грязь с себя сбил».

Мой отец-коммунист, считавший прилипшие к нему травинки и грязь тканью бытия человеческого, а потому принципиально их не счищавший, в конце концов вернулся к истокам — прах возвратился в прах. В своем бесподобном стиле отец врезался головой в телеграфный столб. Другими словами, остался верен себе: даже его смерть казалась комичной. Скорее всего, в тот миг он не верил, что столб может остановить коммуниста. Он стремился вперед, со всей серьезностью полагая, что народ